

Рядом тихо, сдержанно усмехнулся Бай Су — именно так отреагировал бы любой здравомыслящий человек.

— Взрослые просто водят детей за нос, ну или несчастный бредил в лихорадке, — заговорил он. — Чжаньюань, не думал, что ты способен принимать подобную нелепицу всерьез. Я еще ребенком в такие сказки не верил. Какой только вздор не сочинят праздные писаки! Если бы покойники и впрямь могли возвращаться в чужих телах, то и твой брат, и мой, и многие другие давно бы уже вернулись. Но ведь никто не пришел. Будь это правдой, Императорский медицинский приказ давно бы расшибся в лепешку, выведывая секрет бессмертия для Его Величества.

Хо Фэнле замер. В его пальцах с тихим, сухим треском лопнула фарфоровая пиала, и на стол брызнул темный чай.

Вздрогнув от неожиданности, Бай Су поспешно убрал осколки и велел подать чистую пиалу. Он с недоумением покосился на друга. Неужели его слова задели Хо Фэнле за живое? И без того суровое лицо генерала словно сковало вечным льдом.

В глубине глаз Хо Фэнле на мгновение вспыхнул багровый отсвет. Бай Су, заметив это, испуганно подался вперед:

— Чжаньюань, что с тобой?..

— Все в порядке, — Хо Фэнле стряхнул с ладони капли чая. На его лицо вернулась привычная, бесстрастная маска, лишь у самых уголков губ на миг промелькнула горькая усмешка. Он словно весь как-то осунулся, растеряв былую грозную силу.

Бай Су уже собирался посоветовать ему вернуться в поместье и отдохнуть, как вдруг гомон вокруг заметно усилился.

Оглядевшись, он удивленно приподнял брови.

Хо Фэнле не шевельнулся, но в следующее мгновение до них донесся чистый, звонкий голос. Говоривший мягко растягивал слова, и в его интонациях сквозила едва уловимая, теплая усмешка:

— Генерал Хо, молодой господин Бай.

Хо Фэнле поднял голову. Солнечные лучи слепили глаза, мешая разглядеть лицо подошедшего, но сам его силуэт — высокий, стройный, с характерным легким наклоном плеча вправо и чуть склоненной набок головой — показался смутно знакомым.

Эта осанка, до боли знакомая, на мгновение лишила генерала дара речи.

Перед глазами встала картина из далекого детства: маленький мальчик послушно сидит на скамье, дожидаясь старшего товарища, пока тот не позовет его: «Эрдгоу, идем!»

Мальчик поднимает голову и видит юношу, стоящего против солнца точно в такой же позе. Тот слегка щурится от света, наклонив голову набок, и с мягкой улыбкой спрашивает: «Ну что, заждался? Спать небось хочешь?»

На лице Хо Фэнле не дрогнул ни один мускул, он по-прежнему казался бесстрастным, хотя и не сводил пристального взгляда с гостя. Бай Су же поднялся и вежливо поклонился в ответ:

— Молодой господин Лю.

Лю Чжэньцин поклонился им обоим:

— Благодарю вас за помощь. Если бы не ваше вмешательство, мне бы сегодня несдобровать.

— Вы излишне скромны, присаживайтесь, — приветливо отозвался Бай Су.

Хо Фэнле упорно молчал, отчего Лю Чжэньцин, и без того преодолевший немало сомнений, прежде чем подойти, окончательно пал духом. Судя по угрюмому виду генерала, тот либо до сих пор злился на него, либо, подобно остальным, решил, будто настырный юноша вновь ищет повод для докучливых ухаживаний.

Сохраняя на лице вежливую, хоть и слегка натянутую улыбку, Лю Чжэньцин вновь почтительно склонил голову:

— Генерал Хо, я также пришел просить у вас прощения. Чтобы спасти свою шкуру, мне пришлось наговорить глупостей при всем честном народе и тем самым запятнать ваше доброе имя. Глубоко раскаиваюсь в своей дерзости.

В глубине глаз Хо Фэнле что-то дрогнуло.

— Хорошо, — глухо обронил он.

«И что это значит? — растерялся Лю Чжэньцин. — Простил или затаил обиду? Эрдгоу и в детстве-то особой болтливостью не отличался, но сейчас из него слова клещами не вытянешь».

Подавив нервный смешок, он продолжил:

— Если вы все же сердитесь, я приму любое наказание. Если же нет... то я бы хотел покинуть Императорскую столицу уже завтра утром. Надеюсь, ваш уговор все еще в силе?

Генерал медлил с ответом. Сердце Лю Чжэньцина тревожно сжалось, и он поспешил добавить:

— Поймите меня правильно, генерал. Я человек незначительный, а сегодня ухитрился навлечь на себя гнев Восьмой принцессы. Если я задержусь здесь хоть ненадолго, живым мне из города точно не выбраться.

Бай Су удивленно покосился на Хо Фэнле. Решив, что тот просто погрузился в думы из-за ноющей старой раны, он поспешил успокоить гостя:

— На этот счет можете не беспокоиться. Раз уж император лично велел забрать принцессу, дома ее ждет суровое наказание. В ближайшее время она носа не высунет из своих покоев, не говоря уже о том, чтобы строить козни за пределами дворца. К тому же вы пострадали без всякой вины. Чжаньюань не оставит это просто так.

Принцесса была лишь удобным предлогом. Понимая это, Лю Чжэньцин вздохнул:

— На самом деле я планировал уехать еще вчера, и тут я ни капли не солгал. Но теперь... — Он украдкой взглянул на помрачневшего Хо Фэнле и без обиняков признался: — Боялся, что генерал сгоряча откажет мне в помощи.

Наконец Хо Фэнле поднял на него тяжелый взгляд:

— Можешь не сомневаться. Завтра все будет устроено так, как мы договаривались.

Лю Чжэньцин облегченно перевел дух:

— Благодарю вас, генерал. Не смею более утомлять своим присутствием. Позвольте откланяться.

И, не теряя ни секунды, он поспешил уйти.

Бай Су проводил его недоуменным взглядом. Он прекрасно помнил, с каким фанатичным упорством Лю Сяочжу раньше увивался вокруг генерала. Подобная поспешность казалась невероятной — ведь он сам только что предложил юноше присесть, а тот даже не попытался воспользоваться шансом. Похоже, Хэ Лань и Цинь Юй не вдали: потеряв память, молодой господин Лю действительно напрочь позабыл о своей былой страсти.

И все же кое-что не давало Бай Су покоя.

— Зачем уезжать именно сейчас, когда вокруг столько суматохи? К чему такая спешка?

— Не знаю, — сухо ответил Хо Фэнле.

Поведение юноши и впрямь выглядело странным, но у генерала не было причин вмешиваться в чужие дела.

— Если император всерьез возьмется за расследование дела о злоупотреблениях на императорских экзаменах, уехать из Императорской столицы станет почти невозможно. Тут без твоей помощи точно не обойтись, — Бай Су покосился в сторону почетных мест, где сидели Великая принцесса и Жун Шимин, и понизил голос: — Главное, чтобы сегодня обошлось без новых происшествий. Тебе не стоит лишний раз перечить Великой принцессе. Не хватало еще, чтобы завистники вновь обвинили тебя в пренебрежении к императорской фамилии и чрезмерном высокомерии.

Весенний банкет собрал цвет столичной молодежи, а потому без шумных забав, состязаний и споров обойтись не могло — каждый желал блеснуть талантами перед сверстниками.

Когда-то, много лет назад, на подобных празднествах безраздельно властвовали двое: в словесных баталиях и поэтических состязаниях неизменно побеждал Лю Чжэньцин, а в ратных искусствах не было равных Хо Фэйханю. Вся слава, восторги и восхищенные вздохи доставались им двоим.

Что же до Ли Синжо, то она блистала лишь на поприще медицины, где соперников у нее попросту не водилось. Изящные искусства, коими положено владеть благородным девицам, ее совершенно не интересовали. Плевать она хотела на пересуды и чужие ожидания. От подобных собраний ей была одна польза: возможность попрактиковаться в чтении пульса у многочисленных гостей, пополнив свои записи новыми наблюдениями. Словом, девица она была весьма незаурядная.

В те времена эта неразлучная троица заслужила в Императорской столице славное прозвище «Три столпа Императорской столицы»: Хо — оплот воинской доблести, Лю — светоч мудрости, Ли — божественная целительница. Самый яркий, удивительный союз, о котором еще долго судачили в светских кругах.

Нынешние развлечения мало чем отличались от прежних. При каждой новой забаве находились желающие выйти вперед и показать себя. Даже кузены Лю Чжэньцина успели поучаствовать в нескольких состязаниях. Увы, обделенные талантами юноши не снискали лавров, но упрямо продолжали лезть в самое пекло, не желая признавать собственную посредственность.

В стороне от общего веселья оставались лишь двое: Хо Фэнле и Лю Чжэньцин.

С генералом никто не смел соревноваться из почтения и страха, а Лю Чжэньцин на любые

предложения — дружеские ли, издевательские ли — неизменно отвечал твердым отказом, ничуть не заботясь о приличиях: «Не знаю, не умею, не силен».

Подобное малодушие вызывало лишь презрительные усмешки, зато оберегало его от лишних неприятностей.

Однако покою быстро пришел конец. Неожиданный шум привлек внимание присутствующих, и даже Великая принцесса, доселе развлекавшаяся в обществе благородных дам, соизволила подойти, чтобы навести порядок.

— Что здесь происходит? — недовольно спросила она.

— Августейшая сестрица, мы состязаемся в Разгадке Тысячи Замков, да вот только один из проигравших отказывается платить по счетам, — Жун Шимин с издевкой указал на третьего молодого господина Лю, который буквально трясся от ярости.

«Разгадка Тысячи Замков» — так называлась хитроумная игра, вошедшая в моду около пятнадцати лет назад. Несколько участников должны были наперегонки разбирать сложные головоломки и хитрые сплетения колец. Тот, кто не успевал уложиться в отведенное время, выбывал. Здесь требовались не только ловкость рук и острый ум, но и изрядная доля везения.

Обычные безделушки часто продавались на рынках, и заядлые игроки щелкали их как орехи, соревнуясь лишь в скорости. Однако мастера без устали придумывали новые, куда более сложные механизмы, и устроители празднеств всегда старались раздобыть редкие диковинки, чтобы озадачить гостей.

— Головоломки выбирали вслепую, так что обвинять меня в предвзятости глупо. Да и условия спора ты принял добровольно. Ну же, третий молодой господин Лю, мы ждем, — Жун Шимин самодовольно улыбнулся.

Столпившиеся вокруг бездельники из знатных семей тут же загалдели, подначивая проигравшего:

— На карачки его! Пусть лает!

— Лай давай! Лай!

Третий кузен багровел от стыда и злости:

— Вы... вы сговорились! Нарочно прикинулись неумехами, чтобы завлечь меня в ловушку!

— Я и впрямь не мастер, просто соображаю побыстрее твоего, — фыркнул Жун Шимин. —

Довольно пустых слов, выполняй уговор. Не позорься еще больше, отказываясь платить по долгам.

— Второй брат!.. — взмолился перепуганный юноша, умоляюще глядя на старшего.

Второй молодой господин Лю нахмурился. Наказание было слишком унижительным, и он попытался заступиться за брата, предложив заменить пеню чем-то более пристойным.

Однако Жун Шимин лишь насмешливо приподнял брови:

— И речи быть не может. Разве что ты сам решишь отыгаться за него. Давай сразимся. Выиграешь — я отпущу твоего брата без вины. Проиграешь — встанешь рядом с ним на четвереньки и забрешешь псом!

Вокруг дружно расхохотались. Братья Лю сгорали от стыда. И все же, видя отчаяние младшего, второй кузен после недолгих колебаний решился принять вызов.

Сделал он это не столько из братской любви, сколько из уверенности в собственных силах. Ему уже приходилось иметь дело с торговцами диковинными безделушками, и в разгадке секретов он смыслил куда больше младшего брата. К тому же, внимательно наблюдая за ходом предыдущей игры, он решил, что Жун Шимину просто улыбнулась удача.

Но очень скоро лицо второго брата вытянулось и побледнело даже сильнее, чем у третьего. Он с треском проиграл. Хотя ему и достались знакомые механизмы, Жун Шимин действовал с пугающей, молниеносной быстротой. Лишь теперь до несчастного дошло: в первом поединке соперник намеренно сдерживался, выжидая, пока в расставленные сети не угодит рыбка покрупнее.

Толпа бесновалась и улюлюкала, требуя немедленной расплаты. Великая принцесса лишь холодно наблюдала за происходящим, не собираясь вмешиваться в жестокую забаву.

Видя, что братья медлят, Жун Шимин с деланным великодушием предложил:

— Что ж, я могу дать вам еще один шанс. Найдите того, кто согласится сыграть вместо вас.

В глазах братьев вспыхнул робкий огонек надежды. Они принялись лихорадочно оглядываться по сторонам, ища поддержки у бывших знакомцев, но никто не желал связываться с любимчиком Великой принцессы. Даже те немногие, кто недолюбливал Жун Шимина, не решились бы бросить ему вызов в игре, где тот слыл непревзойденным мастером. Только неопытные провинциалы могли угодить в подобную ловушку.

Понимая, что за них никто не заступится, братья Лю окончательно пали духом, на их лбах выступил холодный пот.

Жун Шимин довольно прищурился. Насладившись их унижением, он уже собирался произнести победную речь, как вдруг из-за спин собравшихся раздался спокойный голос:

— Пожалуй, я сыграю.

Толпа расступилась, и вперед неспешным шагом вышел Лю Чжэньцин — тот самый человек, который весь день старательно избегал любых состязаний.

Глаза Жун Шимина хищно блеснули, он уставился на приближающегося юношу, словно зверь на добычу.

Кузены же посмотрели на него с плохо скрываемым разочарованием. По дороге на банкет они сидели в одном экипаже, и Лю Чжэньцин всю дорогу вертел в руках головоломку «девять связанных колец», так и не сумев разобрать ее. Откуда им было знать, что для него это давняя привычка, помогающая сосредоточиться с утра, а вовсе не бесплодные попытки справиться с простейшим механизмом?

— Куда ты лезешь?! Не позорься! — зашипел второй брат.

— Ты и прежде в этом ничего не смыслил, а теперь, после потери памяти, небось и колеч от замка не отличишь! — поддержал его младший.

По их мнению, лучше было смиренно вымолить пощаду у Жун Шимина — возможно, тот сменил бы гнев на милость. Они прекрасно понимали, что вся эта травля затеяна лишь ради того, чтобы уязвить Лю Чжэньцина, а потому отчаянно строили ему гримасы, призывая одуматься.

— И впрямь невеликий я мастер, — с мягкой улыбкой отозвался Лю Чжэньцин. — Но не могу же я спокойно смотреть, как обижают моих дорогих братьев. К тому же... даже если бы я остался в стороне, молодой господин Жун все равно нашел бы способ вытащить меня сюда, верно?

Лю Чжэньцин перевел насмешливый взгляд на Жун Шимина. Он с самого начала наблюдал за состязанием — игра пробудила в нем былой азарт, руки так и чесались показать класс. Однако истинные мотивы соперника стали ясны лишь тогда, когда тот втянул в спор кузенов. Жун Шимин быстро понял, что выманить самого Лю Чжэньцина напрямую не удастся, а потому решил использовать его родственников в качестве наживки.

— Родные братья делят и славу, и бесчестье, — ехидно осклабился Жун Шимин. — Было бы крайне недостойно с твоей стороны прятаться в кустах, пока твоя семья терпит унижение.

— Вот именно. Потому я и здесь, — спокойно ответил Лю Чжэньцин. — Условия те же?

Он понимал: если позволить кузенам опозориться, дома поднимется такой вой, что дядюшки с тетушками костями лягут, лишь бы не дать ему уехать из Императорской столицы. К тому же, не сработай эта уловка, Жун Шимин непременно придумал бы что-то похуже. Так почему бы не сыграть в то, что ему по душе?

Безмятежный вид соперника заставил Жун Шимина насторожиться. Он уже не раз обжигался на коварстве этого юноши, и теперь любое его спокойствие вызывало смутное беспокойство. И все же, если верить слухам и словам самих кузенов, Лю Сяочжу никогда не отличался выдающимся умом. Неужели он просто решил разделить позор с родственниками, чтобы прослыть благородным защитником семьи?

Окружающие придерживались того же мнения. Пострадать вдвоем казалось куда достойнее, нежели трусливо отсиживаться в стороне. Братья Лю притихли, понимая, что хуже уже все равно не будет.

Жун Шимин выдержал паузу и с издевкой произнес:

— Раз уж ставки растут, прежними условиями мы не обойдемся. Придется их немного утяжелить.

— И какова же новая цена? — поинтересовался Лю Чжэньцин.

Он и не сомневался, что простым лаем дело не ограничится. Для Жун Шимина это было бы слишком мелко.

— Если проиграешь, твои братья понесут свое наказание, а ты не просто встанешь на четвереньки и забрешешь, но еще и... — Жун Шимин с грохотом опустил ногу на сиденье стоявшего рядом стула и злорадно ухмыльнулся: — Проползешь у меня между ног!

По толпе прокатился изумленный вздох. Подобное требование переходило все границы дозволенного, это было смертельным оскорблением для любого благородного мужа.

Даже Великая принцесса сочла нужным подать голос:

— Шимин, это уже чересчур...

— Августейшая сестра, все зависит лишь от смелости Старшего молодого господина Лю, — усмехнулся Жун Шимин. — Коли струсит — спору конец, а его братья прямо сейчас встанут на карачки.

Все взгляды устремились на Лю Чжэньцина. Мало кто верил, что он согласится на столь чудовищное унижение ради непутевых кузенов, заранее зная, что обречен на провал.

Юноша лишь озадаченно приподнял брови, словно над чем-то раздумывая. Собравшиеся решили, что он колеблется перед неизбежным отказом, и разочарованно зашептались — каждому хотелось увидеть обещанное зрелище.

Но вопреки ожиданиям Лю Чжэньцин спокойно кивнул:

— Идет.

Окружающие ошеломленно воззрились на него. Не слышалось ли им? Он действительно согласился?!

На самом же деле Лю Чжэньцин медлил лишь потому, что затея Жун Шимины показалась ему детским лепетом. Он искренне недоумевал: неужели тот потратил столько сил ради обычного баловства? Было бы куда логичнее попытаться покалечить его или довести до беспамятства.

Жун Шимин тоже не ожидал столь легкой победы. У него в запасе оставалось еще несколько уловок, но соперник сдался без боя. Это внезапное согласие поселило в его душе каплю сомнения.

— Ты серьезно? — прищурился он.

— Разумеется. Но раз уж ставки выросли, просто спасти братьев мне мало — это было бы несправедливо. Если проиграешь ты, молодой господин Жун, тебе придется исполнить все то же самое. Как, хватит ли у тебя духу принять вызов?

Жун Шимин презрительно фыркнул. Он был твердо убежден, что Лю Чжэньцин лишь берет его на пушку — сам-то он проиграть никак не мог.

— По рукам! — отрезал он.

Лю Чжэньцин тут же повернулся к Великой принцессе:

— Прошу Ваше Высочество выступить свидетелем нашего уговора.

Великая принцесса слегка опешила. Про себя она в очередной раз выругала наглого выскочку: «Надо же, как самоуверен! Специально впутывает меня, чтобы я не вздумала заступиться за Шимины, если тот проиграет».

— Хорошо, — холодно обронила она.

Ей вспомнилось, как покойный Лю Чжэньцин блистал в этой игре. Однажды какой-то глупец

дерзнул бросить ему вызов, и этот негодяй, кичась мастерством, согласился играть с завязанными глазами. Он начисто разгромил соперника, доведя несчастного до нервного срыва, так что тот больше никогда не притрагивался к головоломкам.

И вот теперь его преемник может поплатиться за чужую гордыню, проползая под ногами врага. Какая ирония! Настоящее возмездие.

К тому же... неужели этот наивный юнец думает, будто Жун Шимин затеял обычное состязание? Самое интересное только начинается!

— Ну и дела... — тихо проговорил Бай Су, наблюдая за происходящим издалека. — Похоже, Жун Шимин твердо вознамерился растоптать Лю Сяочжу. Чжаньюань, если тот проиграет, тебе будет весьма непросто за него вступить.

Не дождавшись ответа, он повернулся к другу. Хо Фэнле неотрывно смотрел на Лю Чжэньцина, и в его глубоком, темном взгляде отражалось сложное, нечитаемое чувство.

Спустя долгую паузу генерал глухо произнес:

— Возможно... он не проиграет.

<http://bllate.org/book/20542/2149282>